

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398 (=512.156) (510) (517.3)
DOI 10.17223/18137083/55/1

Ж. М. Юша

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Тувинцы Китая и Монголии: современное состояние фольклорной традиции

На основе полевых материалов автора анализируется современное бытование фольклорной традиции у этнолокальных групп тувинцев, проживающих в Китае и Монголии. Рассмотрена специфика бытования жанров тувинского фольклора в иноэтнической среде в условиях многоязычия. Охарактеризовано сказительство у китайских тувинцев, проанализирована ритуальная сторона исполнения эпических произведений, показаны запреты и предписания, характерные для исполнительской традиции. В отличие от российских тувинцев, у тувинцев Китая отмечается сохранность архаичных черт в жанрах несказочной прозы: мифах, легендах и преданиях. Проанализирована песенная культура, характерная для китайских и монгольских тувинцев. Автор приходит к выводу, что фольклор зарубежных тувинцев демонстрирует общетувинскую фольклорную традицию с этнолокальной спецификой, показывающей диалектный характер традиционной культуры.

Ключевые слова: тувинцы Китая и Монголии, экспедиционные исследования, сбор и фиксация полевого материала, фольклорная традиция, система фольклорных жанров, локальные особенности фольклора.

В настоящее время тувинский этнос проживает в трех странах: России, Китае и Монголии. Этнические группы тувинцев, обосновавшиеся в Китае и Монголии, считаются «национальными меньшинствами, они не имеют собственных национально-территориальных образований» [Монгуш, 1997, с. 3].

В то же время зарубежные тувинцы продолжают сохранять свою идентичность и народную культуру. «Анклавная традиция обладает способностью сохранять... такие архаические варианты, которые в материнской культуре или уже утрачены, или претерпели значительные трансформации» [Левкиевская, 2015, с. 38].

Поэтому в настоящее время актуальной задачей является сбор и фиксация полевого аутентичного материала. Собранные записи и их осмысление позволят провести сравнительно-сопоставительный анализ в изучении локальных особенностей тувинской народной культуры, помогут в реконструкции малоизученной

Юша Жанна Монгеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; zhanna-yusha@yandex.ru)

обрядовой системы и других жанров фольклорной традиции, а также позволят выявить «белые пятна» при прочтении архаических текстов.

С 2010 г. по настоящее время нами были организованы семь комплексных экспедиций к тувинцам Китая и две экспедиции к монгольским тувинцам.

Основной целью полевой работы являлась запись произведений устного народного творчества и этнографических реалий, а также бытующих обрядов. Кроме этого, ставилась задача определения ареалов бытования фольклорных сюжетов и произведений, выявления вариантов и инвариантов. Учитывая календарно-сезонную обрядность тувинцев, чтобы увидеть и зафиксировать важные этапы традиционной культуры, полевые исследования проводились автором статьи в три этапа: зимний, летний и осенний периоды.

Длительность каждой экспедиции составила один месяц, что позволило наблюдать за повседневной и праздничной жизнью, участвовать во многих обрядах календарного и семейного циклов. В ходе полевой работы была обследована вся территория проживания китайских тувинцев в населенных пунктах Алтайского аймака Ил-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района. Официально тувинцы не входят в число 56 национальностей, проживающих на территории КНР. Они записаны в паспортах монголами, что затрудняет установить их реальную численность.

На первый взгляд, сфера функционирования родного языка довольно узка: общение в семейном кругу и с соплеменниками. Однако кроме коммуникативной функции, язык китайских тувинцев до сих пор выполняет разные задачи: конструктивную, экспрессивную и аккумулятивную, так как на родном языке тувинцы проводят все семейно-бытовые, календарные и похоронно-поминальные обряды, исполняют и передают в устной форме фольклорные произведения. Кроме этого, родной язык для тувинцев служит средством самоидентификации его носителей, а также является одним из главных этнических признаков для выявления традиционной оппозиции «свой/чужой».

Тувинцы не имеют своей письменности, их дети обучаются в монгольских или казахских школах с обязательным изучением государственного языка – китайского. Им как национальному меньшинству предоставляют льготы по рождению ребенка и при поступлении в вузы.

Богатое устное народное творчество, передающееся из поколения в поколение, до настоящего времени в жизни тувинцев играет большую роль. Наблюдается преемственность фольклорной традиции, бытование многих жанров. Здесь ни одно значимое событие в жизни человека или семьи не проходит без соответствующих обрядов с исполнением народных песен и благопожеланий. Фольклор китайских тувинцев действительно является устной традицией архаического типа, бытующей до настоящего времени только в памяти его носителей.

Нами зафиксирована полная система фольклорных жанров: мифы (*бурун хоочулар*), предания (*туүкү хоочулары*), сказки, героические сказания (*тоолдар*), благопожелания (*алгыш-йөрээлдер*), заклинания (*чалбарыыр*), восхваления (*ат алгаары, бөге алгаары*), народные песни (*ырлар*), мелодии приручения приплода домашних животных к самкам (*мал алзыры*), загадки (*дывызыктар*), пословицы и поговорки (*чечен, улегер сөстөр*), приметы и поверья (*бүзүрелдер*).

Если сказительская традиция давно утрачена российскими тувинцами, то у тувинцев Китая в наши дни еще можно услышать живое исполнение сказаний не только в прозаической, но и в стихотворной форме. Однако записать репертуар сказителя Тыдыка, одного из последних сказителей, удалось только во время третьей поездки. В течение нескольких дней на летнем стойбище от него были записаны три героических сказания «Буга-Чарын, Бора-Шээлей», «Бөге-Сагаан-Тоолай» («Силач Сагаан-Тоолай»), «Кунан-Хара-Баатыр» («Богатырь Кунан-Хара»), относящиеся к архаическому типу, которые были исполнены традиционным

напевным речитативом без музыкального сопровождения. Эти же сказания были зафиксированы в более краткой прозаической форме от 22-летнего исполнителя Монгун-Чыргала.

В то же время можно говорить о том, что в условиях современного бытования сказительства утрачено сакральное отношение к эпосу. В наши дни у китайских тувинцев уже не соблюдаются запреты, которые были обязательны в прошлом в исполнительской традиции тувинцев: нельзя прерывать сказание, не закончив сказываемый эпизод, и нельзя утаивать сказание. Кроме этого, утрачена и ритуальная сторона исполнения эпических произведений. Если в пору активного бытования эпоса перед его исполнением сказители обязательно проводили обряд разжигания жертвенного костра (*саң салыр*), посвященного духу-хозяину сказки (*тоол ээзи*), то теперь этот ритуал не проводится, он остался только в памяти пожилых носителей традиции. Рассказывание сказаний упрощается, так как исчезла среда интересующихся слушателей. Однако до сих пор тувинцами соблюдаются запреты, основанные на мифологических представлениях, такие как «нельзя исполнять сказки после наступления Нового года, в противном случае весна будет затяжной и будет падёж скота».

В исследуемой традиции в области мифологии хорошо сохранились архаичные черты, уже утраченные материнской культурой. При записи таких текстов о сотворении мира, людей и описаний внешности мифологических персонажей информантами часто употребляется фраза: «Глазами не видел, ушами слышал» (*Караамна корбээн мен, кулаамна дыннаан мен*). Записаны уникальные тексты, отражающие древние мифологические воззрения тувинцев: «Миф о сотворении человека», «О происхождении Вселенной», о духах-хозяевах местности, о звездах и созвездиях, о вертикальной структуре Вселенной, о верховном божестве Курмусту, о владыке Нижнего мира Эрлик-Ловун-хане, «О потопе», о Челбеге, о Чес-тырнаке. Многие информанты удивлялись, зачем нужно записывать такие «наивные знания» в современный век.

При записи традиционной мифологии бывали и курьезные случаи. Например, при расспросах о происхождении человека или созвездий пожилые информанты вначале очень удивлялись и начинали говорить о том, что их детей в школе учат, что человек произошел от обезьяны, а о планетах и созвездиях они узнают на уроках физики. Удивленно спрашивали: «А вас этому в школах не учат?»

Записаны генеалогические предания, повествующие о происхождении всех девяти родоплеменных тувинских групп. Многочисленные варианты исторических преданий представлены циклом рассказов об Амыр-Сане, имеющем титул хунтайджи, реального исторического персонажа, жившего в XVIII в. в Джунгарии и восставшего против власти маньчжуров. Необходимо отметить, что Амыр-Сана является героем фольклора монголов, тувинцев, хакасов и алтайцев. Каждый народ считает его своим национальным героем и ждет его появления на своей территории. По фольклорным источникам считается, что Амыр-Сана после своего поражения бежал в Россию. У китайских тувинцев находим и другие варианты, где он после поражения уезжает в Америку.

Широко бытуют предания о силачах, обладающих необычными способностями, имеющих особое, отличное от других строение тела, не свойственные обычному человеку физические качества; о лекарях-травниках; о сверхъестественных способностях шаманов. Например, в одном из преданий говорится, что после смерти Силача-Чаваада люди обнаружили, что все ребра у Чаваада были сросшиеся между собой, и по убеждению тувинцев такие кости свидетельствуют о неимоверной физической силе человека.

Достаточно сложно было записать исторические сведения и рассказы о 29-летней депортации тувинцев из родных мест, когда из-за тяжелых условий жизни и быта на чужбине погибла треть тувинского населения. Эти сведения являются

закрытой для посторонних темой, поэтому получилось поговорить об этом только во время третьей поездки, когда наше знакомство стало близким и доверительным.

Песенная традиция на сегодняшний день представлена народными и авторскими песнями (*ырлар болгаи согааткан ырлар*). Народные песни по интонационной напевности делятся носителями традиции на две группы: протяжные (*узун ыр*, или *узун кара*) и короткие (*кыска ыр*).

Кроме того, поскольку тувинцы свободно владеют языками соседних народов, то в их песенном репертуаре имеются казахские, монгольские, китайские народные песни. Из этих песен предпочтение отдается монгольским. В некоторых национальных обрядах тувинцев существуют определенные запреты на исполнение иноэтничных песен. Например, по заведенной традиции, летом во время проведения заключительного этапа состязания по стрельбе (*баг мөөрейи*) каждый участник побежденной команды должен спеть песню члену победившей команды. При этом должны исполняться тувинские или монгольские песни, на казахском и китайском языках петь запрещено. Однако в одном случае возможно исполнение песни на китайском языке: если это будет перевод тувинской или монгольской песни.

По обрядовой культуре нам удалось полностью записать все этапы ритуала встречи Нового года по лунному календарю, проведение летнего обряда *обо* в разных местах, современные свадебные ритуалы, где существуют две формы брака: с умыканием и по сватовству. Зафиксированы обряды детского цикла, такие как пиришество при рождении ребенка (*калча дой*), закапывание плаценты (*оол савазы шыгжаары*), хранение пуповины (*кин шыгжаары*), обряд первой стрижки (*чагыш хылбыгы*), а также описания промысловых и поминально-погребальных обрядов. В проведении названных ритуалов можно отметить неразрывную связь вербального компонента и акциональных действий.

В ходе полевой работы выявлены многие неточности, которые существуют в научной литературе по поводу описания некоторых обрядов. Например, считается, что китайские тувинцы, как и тувинцы России, встречают Новый год с первыми лучами солнца, когда на земле еще довольно темно. На самом деле, обряд встречи Нового года тувинцами Китая начинается после того, как солнце полностью осветит землю. Именно тогда начинаются моления на ритуальном месте. Китайские тувинцы это объясняют тем, что до восхода солнца существует запрет на ритуал окропления и подношения божествам первых кусков мясной и белой пищи – *дээжи*.

Тувинцы Монголии также записаны в паспортах монголами, однако в последние годы желающие могут записаться тувинцами. К территории современного расселения тувинцев относятся Баян-Ольгийский, Дарханский, Селенгинский, Ховдинский и Хубсугульский аймаки. В Баян-Ольгийском аймаке казахи составляют 97 %, в остальных преобладает монгольское население. Численность монгольских тувинцев составляет около 10 000 человек. По сравнению с китайскими тувинцами тувинцы Монголии в научном плане более изучены. У них активно поддерживаются связи с материнской культурой.

В языковом отношении тувинцы Ховдинского и Хубсугульского аймаков являются билингвами, знающими монгольский и тувинский языки, остальные же группы тувинцев владеют тувинским, монгольским, казахским языками. Это связано с тем, что тувинцы, живущие в Дарханском и Селенгинском аймаках, являются выходцами из сумона Цэнгэл Баян-Ольгийского аймака.

Во время экспедиций автору статьи пришлось работать в четырех аймаках Монголии: Баян-Ольгийском, Дарханском, Хубсугульском и Ховдинском, где компактно проживают тувинцы. Первым пунктом экспедиционной работы стал сумон Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака. Также представилась возможность

поработать и в труднодоступных тасжных местах, где находились осенние стойбища тувинцев-оленьеводов. Здесь нарративная сфера фольклора представлена мифами, легендами, сказками. Обрядовые жанры включают благопожелания, заговоры. Лирическая поэзия представлена песнями *ыр*, исполненными на традиционные общетувинские типовые напевы и характерные для определенных песен мелодии, такие как «Одуген-тайга», «Межегейим».

У тувинцев-оленьеводов до настоящего времени бытуют сказки, имеющие мотивы индо-тибетского происхождения из цикла «Панчатантра» («Волшебный мертвец»). Помимо песенного и повествовательного фольклора, нами было зафиксировано большое количество материала, иллюстрирующего традиционное мировоззрение тувинцев: их взгляды на окружающий мир, представления о жизни и смерти, описания различных обрядов, а также ценные сведения по истории и этнографии тувинцев-оленьеводов, которые дополняют комментарии к фольклорным текстам. Материал, записанный у тувинцев-оленьеводов, представляет собой схожую фольклорную традицию, бытующую у тувинцев-тоджинцев.

В Дарханском и Ховдинском аймаках представители старшего поколения во время гражданской войны 30-х гг. XX в. бежали из Китайского Алтая на территорию Монголии. Поэтому в этих местах сохранилось много исторических преданий о дунганской войне и бегстве из Китая. Здесь нами также собраны образцы семейно-бытового фольклора, описания обрядов детского, похоронно-поминального циклов. Можно отметить, что среди записанных фольклорных жанров преобладают нарративные – миф и предание. Отличительной особенностью фольклорной традиции монгольских тувинцев является меньшая сохранность народной песенной культуры. В основном поют авторские песни на тувинском или монгольском языках, рассказывают стихотворения собственного сочинения. В отличие от китайских тувинцев, здесь жива шаманская традиция. Записан репертуар трех действующих шаманов в Хубсугульском, Дарханском и Ховдинском аймаках.

Во время сбора материала мы также отталкивались от работ немецкой исследовательницы Эрики Таубе, которая впервые ввела в научный оборот фольклорные материалы, собранные в 1970-е гг. у сенгельских тувинцев [Сказки и предания..., 1994]. К сожалению, спустя 40 лет варианты опубликованных ею богатырских сказаний, мифологических рассказов и народных сказок не удалось зафиксировать.

Таким образом, в результате наших полевых исследований установлено, что фольклор тувинцев Китая и Монголии до настоящего времени является достаточно живой и функционирующей системой традиционной культуры. Фольклорные произведения, записанные во время наших экспедиций к зарубежным тувинцам, демонстрируют единую общетувинскую фольклорную традицию с этнолокальной спецификой, показывают диалектный характер традиционной культуры, вариативность ее элементов на всех уровнях. У зарубежных тувинцев выявляются архаичные черты, которые обнаруживаются и в народном календаре, и в семейно-бытовой обрядности, мифологии и фольклоре. Именно в современной культуре зарубежных тувинцев находим те реликтовые фольклорные образцы и обряды, о которых в конце XIX в. писали Г. Н. Потанин [1883], Е. К. Яковлев [1900], Г. Е. Грумм-Гржимайло [1930].

В обрядовой сфере наблюдаются консервативность и устойчивость в проведении религиозно-культовых, семейно-бытовых, похоронно-поминальных ритуалов [Юша, 2015, с. 75]. Однако необходимо отметить и то, что, живя в иноэтничном окружении, у тувинцев происходят процессы постепенной трансформации исконной культуры, появляются новые мифологические представления, характерные для китайцев и монголов. Например, в свадебной обрядности сегодня практи-

куется денежный калым за невесту; в детском цикле у городских тувинцев – проведение мусульманского обряда обрезания для мальчиков (*сундет*).

Современное состояние фольклора зарубежных тувинцев характеризуется сохранностью многих жанров, их устойчивостью и преемственностью фольклорной традиции. Фольклорный язык богат образными поэтическими формулами, которые иллюстрируют традиционное мировоззрение тувинцев. И в то же время в последние годы с возрастанием роли телевидения и иных средств культурного досуга наблюдается постепенное угасание таких жанров, как героические сказания, сказки, загадки, пословицы и поговорки. Активно бытующими фольклорными жанрами до настоящего времени являются произведения обрядовой поэзии, песенная лирика, повествовательные нарративы.

Список литературы

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Изд-во РГО, 1930. Т. 3, вып. 1.

Левкиевская Е. Е. Проблемы описания локальных традиций и возможные методы их изучения (на примере украинского анклава Саратовской обл.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 37–47.

Монгуш М. В. Тувинцы в Китае: Историко-этнографический очерк. Кызыл, 1997.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4.

Сказки и предания алтайских тувинцев: Собр. Эрикой Таубе / Авт. пер. с нем. Б. Е. Чисовой. М.: Вост. лит. РАН, 1994. (Сказки и мифы народов Востока).

Юша Ж. М. Вербальные константы в обрядах тувинцев России, Китая и Монголии // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 75–80.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Изд. В. А. Данилов, 1900.

Zh. M. Yusha

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; zhanna-yusha@yandex.ru*

The Tuvinians of China and Mongolia: current state of the folklore tradition

Based on the field data of the author, the paper analyzes the current existence of folk traditions in ethnic and local groups of the Tuvinians living in China and Mongolia. The specificity of the existence of Tuvan folklore genres in the migrant environment in the conditions of multilingualism is considered. The storytelling of the Chinese Tuvinians is characterized, the ritual side of epic work performance is analyzed and the prohibitions and regulations, which are typical of performance traditions, are shown. Unlike the Russian Tuva, the Tuva people of China preserve the archaic features in the non-fairy-tale prose genres: myths, legends, and historical tales. The song culture typical of Chinese and Mongolian Tuvinians is analyzed. The author comes to a conclusion that the foreign folklore of the Tuvinians demonstrates common folk tradition with some ethnic and local characteristics, showing the dialectal character of the traditional culture.

Keywords: the Tuvinians of China and Mongolia, field research, folk tradition, the system of folklore genres, local folklore characteristics.

DOI 10.17223/18137083/55/1